

Нона Шахназарян

Ольга Бредникова и Сергей Абашин, ред. «Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслокальность. Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 520 с. ISBN 9785444812822.

Нона Шахназарян, Институт археологии и этнографии Академии наук Армении. Адрес для переписки: Institute of Archaeology and Ethnography, Charents str., 15, Yerevan, 0025, Armenia. nonashahnazar@gmail.com.

В сборнике под самыми неожиданными теоретическими «зонтиками» объединены статьи о транснационально-локальном существовании и о транснациональной повседневности. Книга собрала вместе оригинальные источники о транснационализме и транслокализме (и взаимоотношениях между ними), фрагменты мигрантской истории «Центральная Азия – Россия» и примеры экстраполяции ее концептов и выводов шире – на евразийский посткоммунистический контекст. В этом смысле авторы и, в первую очередь, редакторы сборника поместили дискуссию о постсоветской миграции в Россию в международный контекст и если не объяснили, то, по крайней мере, сделали видимым еще один вариант мирового транснационализма и транслокализма.

Даже немного знакомым с социальными науками исследователям хорошо известны трудности анализа повседневности. На эти трудности наслаиваются плохо поддающиеся концептуализации и определению феномены так называемого транснационализма, транснационального и/или транслокального существования, пребывания одновременно *там* и *тут* или *ни тут* и *ни там*, нигде. Исследования транснационализма в постсоветском мире – несколько запоздалое занятие. Этот факт осознают и сами редакторы, впрочем, он не умаляет значения сборника. Наоборот, включение в международную дискуссию, хотя и с некоторым опозданием, как раз восполняет в этом общем разговоре отсутствие обширного евразийского материала.

Сочетание методов и концептуальных «новинок» транснациональной теории миграции, urban ethnography, исследований нового типа социальных пространств и этнографии кишлака, айла, махаллы делает сборник уникальным по разнообразию исследовательских оптик и точек зрения, по географическому охвату, не говоря уже о прорывах в методологических решениях. Замечательной особенностью и почти уникальным достоинством всех статей являются их исследовательская многомерность и триангулирующий, ревалидизирующий эффект такого подхода: это равнозначные полевые исследования как в России, так и в центральноазиатских республиках (и в отношении выбора информантов тоже: здесь есть, например, исследования о самих мигрантах, об их врачах, об их оставшихся дома родственниках).

Метод исследования, применяемый в книге, практически исключительно этнографический, то есть основан на «мягких» приемах, использовавшихся в процессе сбора материала и его анализа. Как преодолеть академический колониализм? Это один из методологических вопросов, поставленных авторами сборника. Колониализм преодолевается удвоением перспектив и точек обзора, то есть исследованием

транснациональной повседневности не только глазами мигранта, но и его семьи и сообщества в стране происхождения.

Двухчастное введение в сборнике предваряет заметка «От редакторов», объясняющая тематические предпочтения, содержание сборника, она также дает сжатый общий анализ постсоветской трудовой миграции «из стран Средней Азии в Россию», предлагая читателю «макросведения о процессе» (с. 30).

Книга состоит из шести тематических разделов. Первый раздел открывает статья Мадлен Ривс. Автор публикует результаты своего исследования о миграции из Кыргызстана. Рассматривая трудовую миграцию «как нечто встроенное в жизненный уклад и как средство реализации осмысленной и честной жизни», Ривс задается вопросом: что же такого есть в миграции, чего нет в работе рядом с домом? Отвечая на этот вопрос, Ривс обращается к «плотным описаниям» миграционного опыта и анализу стратегий выживания супругов Кайрата и Альбины из города Баткена. Супруги ориентируются в расовых иерархиях, посмеиваются над ними, бросают им вызов и даже осуществляют маленькие диверсии. Автор придает своим героям агентивную субъектность и личную автономию, подрывая стереотипный нарратив о трудовых мигрантах в России либо «как об уклоняющихся от закона сомнительных субъект[ах], либо как о жертв[ах] эксплуатации и жестокого обращения» (с. 50). Ривс полагает, что возможность зарабатывать «чистые, честные деньги» и посылать их домой воспринимается мигрантами как личная нравственная сила, способность влиять на мир, играя по правилам этого мира (с. 70).

Статья Ольги Бредниковой тоже затрагивает структуры рутинной повседневности в условиях транснационального существования. Это рассуждение о ситуативной (культурной) идентичности, которую надо крутить, как трубу калейдоскопа (сродни манипуляциям героини статьи, которая выбирает всякий раз новый образ — с платком / без платка / в хиджабе), чтобы увидеть новые композиции, меняющиеся образы себя. Это и есть гибкая формула транснациональной жизни с «постоянной оглядкой». Неслучайно автор сравнивает свою вдохновительницу Мехрафруз, мигрантку из Таджикистана, с гарфинкелевской Агнес, которая была настолько рефлексивной, что с головой втягивала в мир своих чувств и переживаний. Автор ухватывает сложные процессы автономизации женщин-мигранток в ходе конструирования множественной и *непротиворечивой* социальной субъектности (с оперированием двумя или несколькими системами ценностей и моральных координат). «Сломанные» биографии мигрантки пытаются «нормализовать», «подлатать» свой скомпрометированный, с точки зрения патриархального общества, статус, используя разные стратегии: новое замужество, отправка домой денежных переводов и иных ценностей для обретения высокого статуса, обусловленного экономическими основаниями взамен гендерно-символических; процесс эмансипации. Анализ повседневной жизни мигранток более выпукло отражает действие транснациональных механизмов.

«Транснациональная семья» – так называется следующий раздел, который тоже состоит из двух статей: статьи Медины Айтиевой о денежных переводах и статьи Елены Борисовой о детской мобильности. Айтиева использует бесприоритетный прием многомерного анализа. Полевое исследование она проводила в течение

семи месяцев в Нарынской области в Кыргызстане¹ и в течение трех месяцев в городе Якутске в России, стараясь тем самым избежать однобокости и получить взаимодополняемые, комплементарные интервью. В центре ее статьи вопрос о том, как тратятся средства, полученные переводами от мигрантов, кто и почему принимает решения о том, как их потратить. Автор обращает внимание на то, что символические траты здесь составляют львиную долю расходов. Это считается инвестициями в сельскую солидарность или «поддержание[м] социальной целостности в деревнях» (с. 127). Присланные деньги трансформируют «ритуальную экономику», влияют на нее, постепенно монетизируя процесс дарения. Мигранты четко разделяют жизнь *тут* и *там*, поэтому многие из них избегают на новом месте социальной жизни, которая ставит под угрозу саму цель миграции – откладывание денег и переброску их в свои локальные сообщества, «чтобы вернуться с гордостью и без стыда» (с. 126). При этом пересылка денег оправдывает пропуск ритуальных событий в жизни родни («фундаментальные основы кыргызского календаря»), отсутствие мигранта, который из-за расстояния выпадает из системы отношений «лицом-к-лицу». Автор отмечает, что культурно-родственный диктат в контексте патрилокальности придает денежным переводам гендерную окраску. Патриархальные ценности и устои, диктующие необходимость помощи родственникам мигрировавшего мужа (но не родственникам жены!), в условиях транснациональной миграции оспариваются женщинами-мигрантками, которые ухитряются «жонглировать своими сложными социальными ролями» в мультилокальной обстановке (с. 133). Они заводят «вторые кошельки» и скрывают часть доходов от мужа, играют в «черную кассу», сбрасываясь по 1000 рублей и разыгрывая затем собранные деньги в своем сравнительно узком кругу, как в лотерее, с тем, чтобы получившая всю сумму могла решить какие-то из своих проблем, требующих сравнительно крупных трат.

Статья Елены Борисовой посвящена детям мигрантов и их транснациональному воображению. Мигрантские дети чаще всего остаются «невидимыми» – это обоюдоуязвимая категория транснационального народа. Мигрируют ли они с родителями или остаются на попечении родственников на родине (часто как гаранты регулярных денежных переводов) – и в том, и в другом случае дети рассматриваются как «багаж» (с. 152). Эмпирическая база исследования – две полевые поездки в 2014 и 2015 годах в Канибадамский район Согдийской области в Таджикистане и общение с жителями пяти кишлаков, входящих в один из джамоатов Канибадамского района (численность примерно 14 000 человек). В среднем в каждом доме «воспитывались» пять – шесть детей из одной расширенной семьи, в то время как дома транснациональных семей пустовали. Статья основана на анализе школьных сочинений. Сложность источника заключается в его декларативности, атрибутивности, хотя по-

¹ Автор сознательно не унифицирует в тексте рецензии написание слов «Кыргызстан», «кыргызский» и «киргизский» и т. п. С одной стороны, автор следует в том или ином написании за авторами рецензируемой работы. С другой стороны, в собственной речи автор считает возможным использовать написание «киргизский» лишь в кавычках, указывающих на чужую речь (например, на речь людей, которые так называют медицинские заведения, где работают и лечатся преимущественно мигранты из соответствующей страны; или на академический язык, не чувствительный в данном случае к колонизаторской тематике).

добные тексты могут прекрасно отражать ценностные особенности страны происхождения мигрантов. Как отмечает Борисова, транснациональную жизнь родителей дети никогда не называют *миграцией*; при этом у них есть понимание того, что условия жизни их родителей скорее враждебные – дискриминация, жестокость полиции: «пусть не депортируют наших людей», «не мучили [бы] наш народ» (с. 182). Среди множества интересных для исследовательского анализа пассажей трудно не остановить взгляд на переходных трансформациях гегемонной таджикской маскулинности. Согласно материалам сочинений, миграция воспринимается обществом и – отдельно – мальчиками как «обряд инициации», который пришел на смену службе в Советской армии. Вывод автора статьи: дети мигрантов, безусловно, становятся полноправными автономными транснациональными агентами, «даже не будучи мобильными, оставаясь дома, они оказываются вовлечены в транснациональные отношения» (с. 148).

Третий раздел сборника – «Транснациональные идентичности» – посвящен раскрытию этих самых идентичностей. В него вошли две статьи: «Транснациональная идентичность кыргызских трудовых мигрантов в России» Эмиля Насритдинова и Руслана Рахимова и «“Поеду домой, но останусь в России”: жизненные планы памирцев-мигрантов» Александры Алексеевой. Попытки нащупать подходы к пониманию транснациональной идентичности привели авторов к множеству зачастую противоречивых ее определений. Они обсуждают концептуальные связи между практиками гражданства (примерами их политической активности, в целом политической культурой) кыргызских мигрантов и их идентичностью на трех уровнях: идентичность, восприятие их другими группами и кыргызская гражданская идентичность. Центральный тезис работы таков: особенности формирования гражданской идентичности среди кыргызских мигрантов таковы, что политическое участие и отношение государства к своим мигрантам оказывают разрушительное влияние на их гражданские идентичности, меняя в итоге общее значение дома для них. Исследователи в нюансах рассматривают социально-политические контексты в странах происхождения мигрантов. Они выделяют три категории таковых с точки зрения «закона, риторики и государственной политики»: 1) транснациональные государства, с которыми мигранты поддерживают долгосрочную связь и в которых они имеют существенное влияние; 2) стратегически избирательные государства (*strategically selective states*), которые поощряют, но контролируют миграцию; и 3) государства, не заинтересованные в ней и денонсирующие гражданство уезжающих, рассматривающие мигрантов как предателей, потерявших членство в своей стране (с. 230). По мнению авторов статьи, Кыргызстан не вписывается ни в одну из предлагаемых категорий. Поэтому они предлагают свою, новую категорию, более подходящую для Кыргызстана: слабое государство. Слабое государство заинтересовано в миграции, поскольку она нейтрализует социально-политическую напряженность, обеспечивает минимальные условия для выживания, оно *чрезвычайно* поддерживает финансовые вливания мигрантов в виде денежных переводов. Описание в таких терминах предполагает, что миграция питает сохранение авторитарных, неопатримониальных, коррумпированных режимов. И здесь авторы задаются вопросом: расширению нации или размыванию ее способствуют миграции?

Исследование Александры Алексеевой связано с относительно новой в социальных науках методикой – социология/антропология мечты или коллективного будущего. Это чрезвычайно интересный методологический прием, позволяющий не только, насколько это возможно, избежать прямых вопросов и получить ответы на интересующие вопросы «безопасно», но и ухватить континуум между ответами-галочками «уеду» и «останусь». Исследуемая группа – выходцы из Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана, таджики-памирцы. Алексеева приходит к выводу, что представления о будущем зависят от статуса мигранта. Миграционное сообщество неоднородно, и будущее имеет мультилинейную структуру, при этом различные альтернативы формируются на основе мнений о различных локальностях.

Следующий раздел – «Вещь в транснациональном контексте» представлен статьями Сергея Абашина и Веры Пешковой. В фокусе этих исследований – миграции вещей, в частности, автомобиля, конфет, одежды, косметики, стройматериалов, мебели, предметов ресайклинга, техники, самоваров. Авторы раздела отталкиваются от акторно-сетевой теории Бруно Латура, которая постулирует субъектность вещей в современном обществе. Такое передвижение демонстрирует тесную взаимосвязь мигрантов с домом и, шире, взаимосвязанность, интерактивность обществ, потому что вместе с вещами передвигаются стили жизни и общение, гастрономические вкусы, коммунальные ценности, привычки, приоритеты, паттерны потребления и другие социальные модели. Сергей Абашин рассматривает представления мигрантов из Узбекистана и их практики, связанные с личным автомобилем. Вера Пешкова описывает обмены, связанные с ритуальной культурой в ходе совершения обрядов жизненного цикла. Подарок символизирует не только встречу родственников, но и некую плату за помощь членам семьи. Автор считает, что деньги, потраченные на подарок к свадьбе родственников, одноклассников или земляков, есть включенность и участие, которые позволяют мигранту сохранять или укреплять свой статус и поддерживать членство в местном сообществе; знак лояльности своей семье и сообществу.

Две статьи пятого раздела сборника рассматривают транснациональную и транслокальную инфраструктуру. В статье Екатерины Деминцевой и Даниила Кашницкого изучается феномен «киргизских клиник». Они показывают, что клиники выполняют особую роль в профессиональной жизни медработников из Кыргызстана, препятствуя их депрофессионализации. Авторы подчеркивают, что «киргизские клиники» обрастают атрибутами автономной профессиональной индустрии со своими механизмами набора персонала и профессиональным сообществом, связанным с российской медициной и вписанным в транснациональные сети. При этом создается новый прецедент феномена транслокальности, который способствует выстраиванию непротиворечивых идентичностей.

Исследование Екатерины Капустиной переносит нас в другие географические реалии – в Дагестан. В ее статье речь идет о миграциях из Дагестана «на Север», то есть в города Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО), нефтегазовые центры Западной Сибири. Капустина показывает, как люди организуют свою жизнь в нескольких местах одновременно, при этом избегая кризиса идентичности и, наоборот, органично синтезируя разные идентичности. Особое внимание в статье уделя-

ется транснациональным «связкам» – инфраструктуре, обеспечивающей тесную связь двух российских регионов и позволяющей жить «и там, и там». Транснациональный подход превращается в транслокальный ввиду того, что формальных государственных границ между местом происхождения и местом переезда не существует. Важным наблюдением автора становится то, что пространство (или совокупность пространств) начинает формулироваться как система физического и идеологического взаимодействия, перемещения людей и вещей между несколькими точками на карте, автор рассматривает функционирование людей и вещей внутри этой системы социальных сетей.

Наконец, две статьи, помещенные в последний раздел – «Транснационализм и новые коммуникативные технологии», посвящены мобильной телефонии и другим технологиям, обеспечивающим связь между страной происхождения и страной назначения. В статье Рустамжона Уринбоева исследуется транснациональная повседневность узбекских мигрантов в Москве и их семей и сообществ на родине – в селе Шаббода (название вымышленное) в Ферганской области. На примере трех кейсов автору удается показать, как идентичности, основанные на соседских отношениях, обретают транснациональный характер. Неформальные сети поддержки, опирающиеся на доверие, обретают экзистенциальную важность, а коммуникационные технологии выступают лишь новым удобным инструментом для реализации ежедневного материального, эмоционального, социального и символического обмена между селом, махалля и Москвой.

Автор второй статьи раздела – «Трансграничная коммуникация или мобильная связь в повседневной жизни семей таджикских трудовых мигрантов» – София Касимова пишет про «тихую революцию», которую совершили технологии во взаимоотношениях трудового мигранта в России и его семьи в Таджикистане. За короткий период смартфоны стали предметом повседневности самого дальнего и труднодоступного кишлака. Автор очерчивает амбивалентности: с одной стороны, телефонное общение в большинстве случаев компенсирует личные поездки мигранта домой; с другой стороны, усиливает структуры контроля и власти.

Одной из особенностей сборника является использование эмных концептов, из которых можно было бы собрать глоссарий центральноазиатского транснационализма и транслокализма. Критические замечания в адрес сборника в основном касаются слабо отрефлексированного отбора концептуальных «зонтичных» терминов для обсуждения основных тем книги – тех терминов, которые способны загнать исследователя в ловушки языка. Конкретные предложения по использованию более нейтрального языка вряд ли будут многочисленны, но, возможно, категории «страна происхождения» и «страна назначения» снизили бы оценочность академического языка в некоторых случаях. Режет слух и имперская номинация географических регионов: Средняя vs. Центральная Азия, Ближний vs. Средний Восток.

В книге собраны замечательные для иллюстрации сложных социальных теорий кейсы, сборник послужит прекрасным подспорьем для исследователей в области социальной/культурной антропологии, социологии, политологии, урбанистики, социальной и эмоциональной географии; а также для экспертов и активистов неправительственного сектора.